

О КОНЦЕПТАХ «СУДЬБА», «СМЕРТЬ», «ЖИЗНЬ» В СИСТЕМЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ

Г.И. ИСИНА

Доцент КарГУ, Казахстан

Аннотация

Статья посвящена исследованию о концептах в системе ценностных ориентаций. В работе были проанализированы такие ценностные ориентиры как «судьба», «смерть», «жизнь». Изучение системы ценностей этноса дает возможность выявить своеобразие его мироощущения, мирозерцания и мировосприятия.

Ключевые слова: концепт, когнитивный анализ, менталитет, коннотация, фразеологизм.

ABOUT THE CONCEPTS FATE, DEATH, LIFE IN SYSTEM OF THE VALUABLE ORIENTATIONS

Abstract

The article is dedicated to the research of the conceptual system of the national language. In particular, such important cultural concepts as fate, death, life are analyzed in the work. The given categories represent the system of coordinates by means of which representatives of this or that ethnos interpret the world and create it.

Key Words: concept, cognitive analysis, mentality, connotation, phraseology.

Существующий в коллективном сознании любого этноса национальный миропорядок, национальный семантический универсум немислим без разветвленной системы оценок всего сущего, без отраженных в языке ценностных ориентиров. Языковая информация о системе ценностей свидетельствует об особом восприятии и видении народа.

В языке наиболее полно представлен внутренний мир человека – во всяком случае, его когнитивная сфера. Отраженные сознанием взаимоотношения между явлениями действительности и оценки этих явлений достаточно полно зафиксированы в языке. Язык выполняет своего рода функцию интеграции ценностей.

При восприятии объективного мира человек определяет для себя ценностные ориентиры. Все происходящее вокруг оценивается субъектом на основании

принципа «хорошо-плохо», «добро-зло», «красиво-безобразно», то есть объект действительности рассматривается с точки зрения его соответствия норме.

Выбор основания оценки может быть одинаковым для разных народов, что обусловлено онтологическими факторами, и может различаться у разных народов, отражая образ жизни, национальную психологию, традиции определенной этнокультурной общности. Иными словами, актуализация тех или иных понятий в процессе когнитивно-оценочной деятельности человека и их закрепление в языке может носить как общечеловеческий, так и национально специфический характер.

В построении национальной языковой картины мира участвуют все компоненты языкового сознания. Однако неповторимость национального универсума народа определяется, прежде всего, работой логико-понятийного и нравственно-ценностного компонентов сознания.

Представления о судьбе принадлежат к наиболее коренным категориям культуры, они образуют глубинную основу имплицитной системы ценностей, которая определяет этос человеческих коллективов, сердцевину жизненного поведения принадлежащих к ним индивидов.

Концепт судьбы присутствует не только во всех мифологических, религиозных, философских и этических системах. Он составляет ядро национального и индивидуального сознания. Это понятие принадлежит к числу активно действующих начал жизни, таинственных и неизбежных /1: 3/.

Одним из распространенных на Западе и Востоке исламоведческих стереотипов является представление об исконном и вседвлюющем фатализме, как характернейшей черте догматики ислама. Подобно всякому стереотипу, он имеет под собой определенную основу. Ее можно обнаружить во многих высказываниях Корана, где утверждается, что Бог предначертал и создал все поступки людей вообще и каждого человека в частности. Ее можно увидеть и в бытовом исламе, одной из формул которого является фраза: «Я положился на Аллаха». Аллах заменяет судьбу. Он распоряжается людьми беспределно. Однако его распоряжение, прежде всего – восстановление справедливости и установление правды.

Представления о судьбе в индоевропейских языках отражены в виде многочисленных наименований. Однако во всех значениях слов, обозначающих судьбу, несомненно, существует определенная общность, что в конечном итоге позволяет говорить о концепте судьбы. Эта общность проявляется не только на уровне абстрактного значения «судьба», но и на уровне окружающих его значений, вступающих со значением «судьбы» в определенные отношения.

Развертывание семантического потенциала, обозначающих «судьбу» лексем, обнаруживается и во фразеологии. В составе фразеологических сочетаний ключевой компонент судьба не переосмыляется, а входит со своим содержанием.

Человек, полагающий в США на судьбу, т.е. фаталист (*fatalist*), рискует прослыть безынициативным. Американцы не верят в судьбу, стараются быть оптимистами, не унывать перед лицом неудач. В своих действиях они руководствуются принципу – “*There are more ways than one to kill a cat*” – «*Есть много способов добиться своего*». Их невозможно заставить заикнуться на плохих новостях. Как полагают многие лингвисты, американское отношение к судьбе – антипод духу фатализма в России. Наряду с другими факторами, понятие о «судьбе» сыграло стержневую роль в создании русского семантического пространства. Это слово

отражает исконную веру народа в иррациональность и непредсказуемость людского бытия, неотвратимость того, что написано на роду. Поскольку противиться судьбе бессмысленно, жизненная позиция личности и ее реакция на многообразие событий становятся достаточно пассивными, что вполне объяснимо. «Потребность действовать, инициативность, стремление к личному успеху и свобода предпринимательства – все эти черты западной цивилизации идут вразрез с убеждением, что жизнь человека не зависит от его воли» /2: 71/.

Понятие судьбы *'fortune'* у германцев индивидуализировано, ей зачастую сопутствует удача. Английская поговорка гласит: *Better be born lucky than rich* – «Лучше родиться удачливым, чем богатым». Однако «удача», которая выявляется в поведении и поступках человека не представляет собой некоего фатума или пассивно полученного дара: она нуждается в том, чтобы индивид постоянно подкреплял ее своими делами. От степени и характера его «везенья» зависит исход его поступков, однако только при предельном напряжении всех его моральных и физических сил он может добиться обнаружения своей удачи. Сравните:

Fortune smiles upon smb - «судьба улыбается»;

Fortune favours the brave - посл. «счастье сопутствует смелым»;

Fortune knocks once at least at every man's door - посл. «счастье хоть раз да постучится в дверь каждого»;

A child of fortune - «баловень судьбы».

Понятие «судьба» объединяет в русском языковом представлении о мире идею непредсказуемости будущего с проистекающей из этого неспособностью человека контролировать свою жизнь и среду. Это отражается в языке. Говорят: «в руках судьбы», «волею судеб», «судьба посылает», «бросить на произвол судьбы». «Судьба как власть, с одной стороны, и человек, подчиненной этой власти, с другой – такова стереотипная ситуация, характеризующая феномен судьбы в русской народной культуре» /1: 137/.

В отличие от русских американцы свято верят, что нести ответственность за свои действия, за их последствия может только сам человек, что, в свою очередь, находит отражение и во фразеологическом сравнении. Например: *as sure as a fate* разг. *наверняка*, «даю голову на отсечение».

«Человек появляется на свет, а судьба ему уже назначена». Рождение – ее первое проявление, начало осуществления некоего плана. По модели мира этот план может быть представлен как рождение – «самая жизнь» – смерть. Это план, по которому проживает жизнь каждый человек; в этом отношении план универсален. Но любой человек одновременно и единственен в своем роде, неповторим, индивидуален. Это отражается и на его судьбе: общий для всех, обязательный путь каждый проходит по-своему. Общее – это начало и конец, рождение и смерть.

Оценка жизни, как и смерти, – едва ли не центральная мировоззренческая тема и для научного, и для обыденного сознания. Широко известна народная «философия» в этом вопросе: жизнь вечна, она циркулирует в природе, переходя из одной формы в другую, смерть – неизбежна, обязательна, но это не более чем отправление в иной мир, в жизнь без времени и забот; обе эти жизни связаны невидимыми нитями /3: 43/.

Категория жизни является одной из фундаментальных категорий для понимания менталитета наций. Она дает полную характеристику национального сознания в конкретный период времени. Жизнь характеризуется долговечностью, многогранностью, общая оценка которой, как правило, фиксируется в комплексе устойчивых выражений. Ср.:

There is a crook in the life of everyone – «жизнь пройти – не поле перейти»;

Life is not all clear sailing in calm waters – «век протянется – всего достанется».

Фразеологические сравнения с компонентом *life* демонстрируют отношение к жизни как к чему-то вечному, непреходящему, неизменному:

large as life, life's like that, larger than life, life is stronger than fiction.

В былые времена, в эпоху великих исторических перемен в Англии жизнь ценили сами по себе. Отдать жизнь во имя благородной цели, идеи считалось долгом каждого достойного члена общества: *Better a glorious death than a shameful life* – «лучше славная смерть, чем жизнь позорная».

«Судьба и смерть суть взаимосвязанные категории. Они могут сливаться до отождествления, а могут расходиться, образуя в жизни сознания противоположные полюса. Их позиции по отношению друг к другу, как и та роль, которую они играют в процессе распространения субъекта в собственном духовном пространстве, зависят, в конечном счете, от уровня усилий, прилагаемых людьми, для выхода за границы актуально наличного бытия. Поскольку такой выход определенно связан с личностным самостроительством, постольку судьба и смерть служат мерами личности в человеке» /4: 34/.

Обе рассматриваемые категории сосуществуют, прежде всего, в культурном поле. «Смерть применительно к культуре представляет такую реальность, которая, будучи внеположена собственно культурному бытию, за пределами к нему, оказывает динамическое воздействие на культуру, выстраивая само ее тело в направлении к смерти... В самой культуре трансцендентность смерти воспринимается как ее неизживаемая загадочность, как ускользающая сверхразумность» /4: 34/.

Оставаясь, однако, «внутри» культуры, Смерть может быть отождествлена и с судьбой. Смерть можно считать крайней степенью выражения определенности человеческого бытия. В смерти олицетворяется предел его автоматичности, ибо в известном смысле смерть есть самое неизбежное, что только возможно для человека. Смерть аккумулируют Судьбу, что делает возможным определять первую в пространстве культуры как судьбу.

Бытие к смерти может быть понято как путь к судьбе. Судьба и смерть в этом контексте вновь сближаются. Ср.:

to go to one's fate - «идти навстречу своей гибели»,

seal smb's fate - «роковым образом решить чью-либо судьбу»,

to meet one's fate - «погибнуть».

О некой тождественности этих категорий свидетельствуют синонимичные фразеологические сравнения *as sure as death* «так же верно, как и сама смерть» и *as sure as a fate* «так же верно, как и сама судьба». Одним из символов

сознания является судьба, которая играет роль ориентира в духовной совершаемости человеческой реальности. «Судьба не то, что бывает, но то, что всегда есть. В этом качестве она имеет статистический характер, требующий и некоего динамического момента. Таким моментом оказывается смерть, которая наряду с другими трансцендентными реальностями мыслится как возможность иного, чем данная конечная человеческая экзистенция» /4: 36/.

Слово *fate* своим значением отчетливо намекает на то, что скорее можно ожидать наступления чего-то плохого, чем хорошего, сравнивая порой со смертью: *a fate worse than death* «судьба хуже смерти». Хотя в целом жизнь человеческая скорее непредсказуема, чем бессмысленна (*as fickle as a fortune* «непостоянный как fortuna») или определенным образом трагична, неизменно ведущая к смерти.

Причины многих коннотаций лексемы «смерть» *'death'* следует искать в области религии и древней философии. С точки зрения С.Н.Булгакова, смерть представляет собой своеобразный мост, соединяющий мост человеческий, обособленный и замкнутый на себя, и мир божественный, воплощающий всеобщность и полноту бытия. Н.Ф.Федоров трактует смерть как безусловное зло, являющееся абсолютным препятствием на пути человечества и требующее не только метафизического, но и практического ее преодоления.

В некоторых восточных культурах, где смерть рассматривается как продолжение жизни в иных измерениях, отношение людей к естественной смерти другое: оно не вызывает такого страха как у европейцев.

Китайская судьба – это предопределение человека. В смертельной опасности китаец вместо «Помогите!» кричит «Спасите судьбу!». Учение о карме напоминает человеку: он не должен забывать о том, что его развитие продолжается и после того, как данное существование закончилось, и что придется за все отвечать, и ни одно его деяние не останется незамеченным. Субстрат сознания, или душа продолжает жить и после того, как освобождается от тела, древнего происхождения.

В иудейско-христианской цивилизации смерть коннотирована отрицательно. Устойчивые образные «формулы смерти» крайне разнообразны. В них со всей наглядностью проявляются социальные и морально-этические оценки сути и смысла жизни, обратным полюсом которой и выступает смерть. Сравните:

look like a death's head – «краше в гроб кладут»; *as still as death* – «безмолвный как смерть»; *cling (hang on) like grim death* – «впитаться как клец» (букв. подобно страшной смерти); *as still as grave* – «тихо как в могиле»; *as pale as death (ashes)* – «смертельно бледный», «подобно праху»; *like death warmed over* – «чувствовать ужасно (дыхание смерти)»; *as ugly as sin* – «страшен как смертный грех»; *more dead than alive* – «полумертвый, смертельно усталый», букв. больше мертв, чем жив; *as worse as death* – «хуже смерти».

Значительную группу фразеологических сравнений составляют фразеологизмы со значением *dead* – «быть мертвым, похороненным». Как правило, данные фразеологизмы описывают подобное состояние через сопоставление с образами – существами, объектами, людьми, некогда существовавшими на Земле. Сравните: *dead as a dodo*, *as dead as doornail*, *as dead as Julius Caesar*.

Мотивы «смертельной» фразеологии в английском языке насыщены отрицательными коннотациями. Смерть представляется порой как некое существо, контактирующее с высшими силами зла и обитающее в ином, загробном мире.

Как мы можем судить по примерам, условия существования этноса вырабатывают определенный способ оценки окружающего мира, четкие критерии, которые позволяют отмечать и обнаруживать какие-либо черты, скрытые от внимания представителей других этносов.

Таким образом, существующая в структуре национального сознания картина мира основана на разветвленной системе оценок, отраженных в языке в виде ценностных ориентиров. Изучение системы ценностей этноса дает возможность выявить своеобразие его мироощущения, мирозерцания и мировосприятия.

ЛИТЕРАТУРА

1. КОВШОВА М.Л. Концепт судьбы. Фольклор и фразеология / Понятие судьбы в контексте разных культур / Науч. совет по истории мировой культуры. – М.: Наука, 1994. – С.137-142.
2. ВИССОН Л. Русские проблемы в английской речи. М.: Валент Р., 2003.
3. ПОДЮКОВ И.А. Народная фразеология в зеркале народной культуры. Пермь, 1991.
4. СТРЕЛКОВ В.И. Смерть и судьба / Понятие судьбы в контексте разных культур / Науч. совет по истории мировой культуры. – М.: Наука, 1994. – С.34-37.